М. И. КАРИНСКИЙ

Критический обзор позднего периода германской философии

Отчет М. И. Каринского о годичной заграничной командировке, имеющей целью ближайшее изучение современного положения метафизики в Германии

КАНТОВА «КРИТИКА ЧИСТОГО РАЗУМА» В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ПОСЛЕДНЕМУ ПЕРИОДУ ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Говорить о современных явлениях в области германской философии невозможно, не обратившись к ее прошлому. Там, где дело идет о явлениях, которые стоят в тесной исторической связи с целым рядом предшествующего развития, составляют последнее звено одной сплошной, разнообразно переплетшейся цепи событий, — там невольно приходится обращаться назад за необходимыми историческими разъяснениями. Да и только ли по этой причине? Жалобы на оскудение самостоятельной и оригинальной философской мысли давно уже сделались едва ли не общим местом, когда речь идет о послегегелевском периоде философии. Эти жалобы совершенно справедливы. Но не прямо ли говорят они, что современная германская философия кроме общей исторической связи с прошлыми стоит от него в особой, более прямой и непосредственной, зависимости? Не быть оригинальным, не быть самостоятельным в философии — не прямо ли это значит заимствовать из прошлого краеугольные камни для своей подражательной, дополнительной, вообще второстепенной работы? Не высказывается ли такая зависимость еще более ясно в том, что большинство философских воззрений, являвшихся за последнее время, не выражают даже претензии

быть новыми миросозерцаниями, а всего чаще поднимают одно из знамен прошлого, довольствуясь скромной славой продолжателей чужого дела? Они строят и хотят строить на основаниях, взятых из прошлого; и никакое изложение, никакая оценка их второстепенной работы просто невозможны без взгляда на то прошлое, из которого целиком берут они свои основные посылки. Скудное оригинальностью и самостоятельностью философской мысли последнее время тем не менее представляет такое обилие, такую пестроту и разнообразие стоящих во взаимном антагонизме направлений, какие едва ли можно отыскать в какое-либо другое время. И ориентироваться среди этого разнообразия, понять внутреннее родство в том, что на первый взгляд представляет только различие, можно лишь единственным способом, обратившись к историческому происхождению этих враждебных друг другу направлений, вызнав их историческую связь.

Тот исторический пункт, от которого все они берут свое происхождение, определить не трудно. В истории новой философии есть одно имя, к которому все они (за исключением разве материализма, и то в его наиболее крайних и грубых проявлениях) относятся с одинаковым уважением и с которым каждое из них, при всем разноречии их между собою, непосредственно связывает свою работу. Это имя есть имя Канта. Если спросить, напр<имер>, представителей тех разнообразных фракций, на которые распалось в последнее время фихте-шеллинго-гегелевское направление философии, как относятся они к Канту, то они ответят, что хотят только освободить Кантову философию от того противоречия, в которое впал Кант с результатами своей собственной критики, и провести ее до той последовательности, к какой неминуемо ведут эти результаты. Как относится к Канту школа Гербарта?[1] По ее мнению, Гербарт продолжил и развил глубже ту критику элементов познания, которая началась знаменитым произведением Канта. Шопенгауэр[2] не хотел быть не чем иным, как чистым кантиньянцем, открывшим только возможность, не выходя за пределы основных результатов «Критики чистого разума», проникнуть в сокровенную сущность вещи самой в себе. Философия Фриза[3] считала себя истинной преемницей философии Канта и хотела только высвободить эту философию от того призрака трансцендентализма, который, по мнению Фриза, и был несчастною причиною, почему Кантова философия превратилась в фихтианизм, шеллингианизм и т. д. Столь же непосредственное и равно близкое и существенное отношение к критической философии можно бы

было указать и на тех системах, которые явились в более позднее время, напр<имер>, Тренделенбурга[4], Лотце[5].

Таким образом, результаты Кантовой философии, даже в самом сознании всех представителей последующего философского движения, представляют тот общий исходный пункт, с которого можно выследить развитие каждого из позднейших направлений философии и уяснить его смысл и значение. Основные выводы «Критики чистого разума» кратко можно высказать в следующих положениях.

Для познания нужен предмет и познающая деятельность. Единственный способ, каким может быть нам дан предмет, есть чувственное воззрение. Чувственное воззрение содержит в себе два элемента: содержание, данное отвне, и форму восприемлемости, чрез которую данное делается предметом для нас или явлением. Форма восприемлемости внешних предметов есть пространство, — собственной жизни души — время. Таким образом, пространство и время, будучи субъективными формами человеческого восприятия, составляют неизбежные условия всего, что может быть дано для человеческого знания. Но чувственное восприятие еще не есть знание. Знание предполагает запечатленный характером необходимости синтез восприятий, а синтез есть дело самодеятельности, а не пассивной восприемлемости. Познающая деятельность по самому существу своему есть, следовательно, синтезирующая деятельность и основные формы синтеза суть основные формы познающей деятельности. Как все восприемлемое подлежит формам восприятия, так как иначе оно не может быть воспринято, так же точно все познаваемое, просто насколько оно может быть познано, подлежит формам познающей деятельности, т. е. стоит под общими формами синтеза (которые выражаются в категориях, как чистых понятиях рассудка). Общий результат будет такой: воспринимаемые нами вещи суть только явления, познаваемые нами предметы представляют только совершаемый по законам нашей мысли синтез этих явлений. И хаос восприятия и природа, как законосообразное целое, — первый, насколько необходимо, существует в пространстве и времени, последняя по самой своей законосообразности, — суть продукты познавательных сил человека. Отсюда Кант сделал вывод, что вещи, как существуют они сами в себе, лежат по ту сторону столько же нашего восприятия, сколько нашего знания. О них можно сказать только отрицательно, что они не подлежат законам пространства и времени, а вследствие того не подлежат и законам нашей мыслительной действительности, так как последние весь свой смысл

имеют только в отношении к тому разнообразному, которое воспринимается под формами пространства и времени. Правда, в идеях о мире (как безусловной полноте явлений), о душе (как безусловном субъекте) и о Боге (как о существе всесовершенном) мы имеем, по-видимому, предметы знания, лежащие по ту сторону границ всякого опыта. Правда и то, что мы можем в отношении к этим идеям предлагать те вопросы, с которыми наше мышление всегда и необходимо обращается ко всякому предмету, ничто не препятствует нам и решать эти вопросы путем размышления; а следовательно, мы можем, по-видимому, делать здесь вполне законные опыты научных исследований. Но на самом деле это не так. Идеи по своему существу ни в каком случае не могут быть признаны за представления о действительно существующих сверхъестественных предметах; в целом организме нашего знания они даже вовсе не имеют значения служить источником каких бы то ни было сведений о предметах, лежащих по ту сторону опыта. Они имеют такое же чисто формальное значение, как и категории, только относятся они не к рассудку, а к уму, как способности умозаключений. В основании этой способности лежит закон, который требует для всего условного полноты условий, его объясняющих, или безусловного, которое завершило бы единство знания. Этот закон при применении своем к каждому из трех важнейших видов умозаключений (категорическому, условному и разделительному) получает свое особое выражение. Идеи теперь суть не что иное, как *гипостасирование* этого закона в трех важнейших его формах; сказать иначе: они возводят на степень существующего объекта то, что имеет лишь значение формального требования. В законе ума выражается только требование закончания, единства и полноты знания, — требование, которое, очевидно, никогда не может быть сполна удовлетворено опытом, и в этом смысле оно всегда перехватывает через наличный опыт, понуждая безустанно продолжать исследование. В идее это требование безусловной полноты и единства без всякого права толкуется в предметном смысле, реализуется и получает вид действительно существующего безусловного сверхчувственного предмета. Таким образом, предметы метафизического знания получаются путем незаконного гипостасирования основного закона способности умозаключений. Вместе с тем и все попытки составить о таких предметах научные суждения должны оказаться несостоятельными: они ведут или к положениям, противоречащим одно другому, или к таким, истинность которых не может быть доказана. Таким образом, идеи по своему проис-

хождению и по своему значению у Канта поставлены в один ряд с категориями; существенным отличием остается лишь то, что они, имея своим содержанием абсолютное единство и полноту знания, не приложимы непосредственно ни к какому данному предмету, а потому всегда указывают далее наличного опыта.

В этих основных результатах «Критики чистого разума» мы имеем центр, из которого тотчас как радиусы начинают расходиться в различные стороны разнообразные направления последующего периода философии. Существенные результаты критической философии, именно мысль, что чистые созерцания (пространство и время) и чистые понятия (категории и идеи) ни в каком случае не приобретаются путем того же пассивного усвоения, каким приобретается содержание знания, но составляют необходимую принадлежность познавательной способности, — эта мысль составляет общий исходный пункт всего дальнейшего движения; она представляет тот несокрушимый фундамент, на котором закладываются все разнообразные постройки всего дальнейшего периода. Каким образом, не отрицая этих результатов критической философии, можно бы было спасти права знания, проникнуть в сокровенную сущность вещей, как они существуют сами в себе? В этом состоит тот общий вопрос, на разрешение которого одинаково направлены усилия всех позднейших систем. Эти усилия показали, что важнейшие результаты критической философии не только не ведут необходимо к решительному отрицанию предметного знания, но могут мириться даже с совершенно различными взглядами на пути к достижению этого знания. Здесь-то именно открылась для различных систем возможность, опираясь на один общий фундамент, далеко разойтись в своих направлениях.

Все те понятия, которые искони служат важнейшим содержанием метафизики, а равно и все те положения, которые всегда играли первенствующую роль в процессе метафизического знания, поставлены были в критической философии в самую неразрывную связь так называемыми формами познавательной деятельности. Неудивительно поэтому, что в дальнейшем движении философии на эти формы знания обращено было прежде всего и более всего внимание. Что эти именно формы могут служить познанию истинного бытия, хотя они и не приобретаются путем совершенно пассивной восприемлемости, это положение одинаково принимается всеми *важнейшими* системами последующего периода. Но здесь же и оканчивается все сходство между ними. Как именно эти Кантовы формы знания могут служить познанию истинно сущего, этот вопрос вызывает са-

мые несогласные одно с другим мнения. Важнейшее различие здесь состоит в следующем: одно направление хочет придать предметное значение непосредственно тем самым созерцаниям и понятиям, которые у Канта имеют значение форм знания; другое, наоборот, отказывается признать эти созерцания и понятия за предметные определения; оно хочет в них видеть только материал для познания, — материал, который нуждается еще в продолжительной и серьезной переработке, чтобы можно было из него получить определения, имеющие предметное значение. Это не очень значительное, по-видимому, различие стоит тем не менее в связи с коренным различием двух прямо противоположных одно другому философских направлений. Если внимательнее всмотреться в «чистые созерцания и понятия», то можно заметить, что важнейшие из них касаются «процесса», «бывания» и определяют его с различных сторон. Так, «время» есть, очевидно, непосредственная созерцательная форма процесса; «пространство», составляя, по-видимому, форму бытия косного, неподвижного, есть тем не менее неизбежное условие движения: оно представляет необходимую арену для разнообразных эволюций движения, а движение в одно и то же время есть и самый распространеннейший вид бывания, и неизбежный образ, под которым единственно мы можем вообразить себе какой бы то ни было процесс. Из категорий Кантовых все последующее философское движение признало самыми существенными так называемые категории реляции, т. е. категории «субстанции и акциденции», «причины и действия» и «взаимодействия или общения». Но категории «причины и действия», а равно и «взаимодействия», очевидно, относятся к категориям процесса, бывания. Остается, таким образом, категория «субстанции и акциденции». Но и эта категория есть ли действительно категория покойного бытия, какой она кажется с первого взгляда? Чтобы решить этот вопрос, не следует забывать, что узнать акциденции нам вовсе было бы невозможно, если бы они не проявлялись как-либо, а всякое проявление есть необходимо процесс, бывание; поэтому в акциденциях мы можем мыслить только известный род действия или воздействия одного предмета на другие. Таким образом, акциденции, по крайней мере для нашего знания, стоят в неразрывной связи с процессами и легко могут быть возведены к разнообразным видам процессов, которые развиваются в вещи под известными условиями. Но если даже обратиться к самому бытию вещей, то и здесь, не вдаваясь в обширное философское исследование, можно заметить, что, во всяком случае, нам удобнее мыслить существо

вещи как неделимую единицу, как простую качественность, которая только различно реагирует на различные внешние влияния. Так, проблема вещи, имеющей много признаков, со всех сторон указывает на процесс. При таком отношении Кантовых форм познания к понятию процесса, бывания делается понятным, почему непосредственное предметное значение искали придать им те системы, которые самым существенным в бытии считали процесс, бывание, живоподвижность. Наоборот, отрицать непосредственное предметное значение этих понятий и требовать их предварительной переработки в мышлении, естественно, должно было то направление философии, которое всю истину бытия полагало лишь в его спокойной сущности, отрицая всякое предметное значение смены. Критическая философия надеялась положить конец всем философским спорам, так как ее выводы должны были отрицание метафизического познания возвести на степень научной истины. Теперь оказывается, что эти выводы не только могли мириться с различными метафизическими системами, но не могли спасти от появления прямо противоположных взглядов на бытие.

За формами познания в Кантовой философии отводилось, хотя и слишком скромное, место содержанию знания (тому, что воспринимается под формами пространства и времени). Если обратить внимание на отношение формы к содержанию, то нельзя не заметить, что содержание не вполне отвечало форме, не могло наполнить ее всецело; в законе разума, в идеях, если и не придавать им предметного значения, форма, очевидно, шла далее всякого наличного содержания, так сказать перехватывала чрез него. Как бы для того, чтобы и услышать со всех сторон, насколько критическая философия действительно преграждает всякий путь к познанию вещи самой в себе, сделаны были попытки найти путь к истинному бытию и в содержании знания, и в той стороне форм его, по которой они очевидно идут далее содержания, не могут быть наполнены никаким опытом. Системы, ставившие себе такую задачу, никогда не пользовались в философской науке тем авторитетом, каким пользовались направления, о которых сказано выше. Но они тем не менее показывают известную степень живучести, не теряют значения до самого последнего времени и уже по одному этому имеют право на известную долю внимания.

Существующими направлениями германской философии исчерпываются, по-видимому, все те пути к достижению предметного знания, которые оказываются возможными при признании важнейших результатов критической философии. Поэтому

критический обзор послекантовского периода германской философии есть вместе оценка прочности того фундамента, на который опираются все системы этого периода. Если бы оказалось, что все существующие направления не представляют надежных результатов, то не возбуждалось ли бы тем самым сомнение в верности тех посылок, которые все они заимствуют из критической философии?

<...>

ВАЖНЕЙШАЯ ОШИБКА КАНТОВОЙ ФИЛОСОФИИ И РАЗВИВШИХСЯ ИЗ НЕЕ НАПРАВЛЕНИЙ

Сделанный нами критический очерк важнейших направлений послекантовского периода философии можно, мне кажется, свести к двум результатам: 1) каждое из этих направлений пыталось найти путь к познанию истинной реальности, не отрицая существенных результатов критической философии и даже предполагая их и на них опираясь; 2) ни одно из мировоззрений, развившихся внутри этих направлений, не имеет надлежащей прочности, не может избегнуть сильных возражений. По-видимому, невозможно отрицать и того, что существовавшими от Канта до настоящего времени философскими направлениями исчерпаны все предположения о возможности предметного знания, которые не разрушали бы сполна критической философии, и едва ли теперь осталось место для новой, вполне оригинальной философской системы, которая оставалась бы верна основным положениям «Критики чистого разума». Отсюда должно следовать, что на почве критической философии невозможно построить прочного миросозерцания, которое не отрицало бы возможности предметного знания. Если же так, то для философии предстоит дилемма: или воротиться к субъективизму «Критики», отказавшись от всяких попыток перейти границы, очерченные ею для знания, или поставить в вопрос все результаты «Критики», признать необходимость иной, новой теории знания.

Отступление назад к точным выводам критики всего менее возможно. При изложении рассмотренных нами философских направлений мы старались показать, что каждое оправдывало себя, как последовательное развитие и закончание или дополнение и исправление критической философии, и мы видели, что самое истинное в направлениях — то, что дает им действительное право на научное значение, по большей части относит-

ся к устранению непоследовательностей, односторонностей, недостатков критической философии. Отсюда вытекают два следствия. Во-первых, если каждое направление заимствует много посылок из критической философии; если даже в своих отступлениях от последней оно должно быть признано последовательным развитием, дополнением или исправлением и пр. критической философии: то понятно, что степень его внутренней состоятельности свидетельствует о внутренней состоятельности самой критической философии, а поэтому критика основных положений того или другого направления, развившегося из критической философии, есть косвенно критика последней. Другое следствие не менее важно. Развивая далее основные положения «Критики чистого разума», устраняя недостатки или односторонности ее, исправляя ее ошибки, каждое направление тем самым делало пролом в целом здании критической философии. Если свести вместе все частные повреждения построенного Кантом здания, то тотчас окажется, что это величавое здание неудобно для помещения уже просто потому, что оно насквозь пробито со всех сторон. Критическая философия смотрит прочным фундаментом, пригодным для постройки на нем цельного мировоззрения, лишь благодаря тому обстоятельству, что каждое развившееся из нее направление видит в ней единственно ту пробоину, которую само сделало в ней, и тщательно закрывает глаза, когда дело идет о том, что сделано другими.

Таким образом, вопросом будущего становится, по видимому, проблема познания, от нового разрешения которой и должен зависеть вопрос о философском знании. Здесь были бы неуместны гадания о том, в каком смысле будущее разрешит эту вековую проблему. Но наш очерк последнего периода немецкой философии не имел бы полноты и законченности, если бы он не указал на тот недостаток Кантовой теории знания, от которого зависит обнаружившаяся в истории несостоятельность как ее самой, так и направлений, из нее развившихся, и которого должна избежать будущая теория знания, если она должна оказаться более надежною.

Основная ошибка критической философии состоит, по моему мнению, в том, что она признала лежащие в основе операции мысли предположения о бытии, которые должны господствовать над мыслию, служить законом для всех мыслительных отправлений. Как скоро признаны были некоторые положения в качестве необходимых предположений мысли, основною задачею философии, искавшей предметного значения, естественно, сделалось проникнуть сквозь эту преграду до бытия. И бесспор-

но, необходимо было неимоверное напряжение мысли, чтобы различными путями достигнуть этой цели. Сам Кант должен был употребить гигантские усилия, чтоб объяснить господство этих предположений над самыми явлениями. Но, удивляясь изумительной находчивости мысли, старавшейся объяснить господство «*законов мысли*» то над миром явлений, то над миром реального бытия, не менее нужно удивляться и тому, что вовсе не задались вопросом о действительной силе этих «законов мысли» *над самой мыслию*. Человек привыкает говорить о необъяснимых далее физических законах тел, механических законах движения, химических законах средства и пр.; а потому для него нисколько не кажется странным принять существование некоторых необъяснимых далее законов мысли, не доказанных (по их сущности) предположений о бытии, которым также безмолвно и без всяких рассуждений должно подчиняться мышление, как, напр<имер>, тело, не рассуждая, повинуется закону тяжести, или, как известные химические элементы повинуются определенному закону сродства с другими. А между тем это вовсе не так просто и понятно, как кажется с первого взгляда. Если более внимательный взгляд наводит серьезные возражения даже против необъяснимых далее законов материи, то подобные законы делаются истинным противоречием, когда признаются некоторыми роковыми ограничениями такой области, которая всего менее склонна терпеть оковы, какой бы позолотой их ни разукрашивали. Мысль есть вечное стремление к свету, вечный позыв понять темное и необъяснимое, непрерывная критика всяких, принятых без достаточного основания, мнений, настойчивый запрос о правах всякого положения на значение научной истины, деятельность, стремящаяся все сделать для себя ясным до последних оснований, насквозь прозрачным. Сказать, что эта мысль *должна* невольно признавать некоторые необъяснимые далее (по их сущности) предположения, *должна безусловно подчиняться им*, — это значит сказать, что она должна перестать быть мыслию, как скоро встречается с этими предположениями. Если мысль может поставить эти положения в сознании, может задаться вопросом о праве их на достоверность, может признать их непонятность, необъяснимость далее, разве это уже не значит, что она признает себя судьею в разрешении вопроса об их истинности, а следовательно, не подчиненною им, не тупеющею пред ними их рабою?

Вслед за некоторыми голосами на Западе многие и у нас философское движение с Канта (преимущественно канто-фихте-шеллинго-гегелевское направление) признавали за последо-

вательное и крайнее развитие рационализма. Я не могу согласиться с таким взглядом. То, что лежит в основании этого периода — «Критика чистого разума», — дает в своем результате не возвышение, а принижение мысли под ярмо роковых и непонятных законов. И та система, которую считают апофеозой рационализма (гегелевская), правда, действительно хотела разум поставить исходным пунктом, сущностью и конечною целью бытия, хотела представить бытие как самовоплощение разума; но, исполняя эту высокую задачу, она на степень верховного разума возвела систему отвлеченных понятий, которые должны были господствовать сколько над бытием, столько же и над самодействительною, живою мыслью; этой мысли отказано было даже в праве требовать от онтологических понятий основания их притязаний; все свое оправдание система высших понятий находила в особом (диалектическом) методе, который был прямым противоречием требованиям действительной мысли. Видеть в канто-гегелевском периоде философии развитие и торжество рационализма — значит судить этот период по тому идеалу, до которого он хотел возвыситься, а не по его действительному состоянию. Основную ошибку всего этого периода нужно искать вовсе не в чрезмерном возвышении, а прямо наоборот, в излишнем принижении действительной, живой мысли.

Если мы обратимся к изложенным нами философским направлениям, развившимся из Кантовой философии, то увидим, что все они (за исключением системы Гартмана[6]) не могут отрешиться от мысли об этих непонятных, роковых предположениях разума. Эта мысль и составляет тот единственный пункт, который все они одинаково заимствуют от Канта, хотя каждое дает ему свою особую окраску. И нетрудно заметить, что с этим именно пунктом связаны важнейшие основания несостоятельности каждого из них. Чтобы придать этому роковому фундаменту мысли предметное значение, Гегель возвел его в вечное царство творческой мысли; рабски послушная ему действительность естественно низошла на степень простого феномена этой мысли; здесь заключается основание для нападений на Гегелеву систему внутри самой гегелевской школы. С этим царством вечных понятий вращаются в противоречии Вейссе[7] и Фихте младший[8], так как они, отделив его от сущности бытия, не могли ни подчинить его последней, ни возвысить над ней. Его неудачно пытается Тренделенбург вывесть из движения так, чтобы в то же время не нарушить его права на безусловную истинность. Оно у Лотце противится выводу всего бытия из блага, как всеединой субстанции мира. Оно рождает то противоречие,

в которое, как мы видели, запутывается философия Фриза: непонятные законы мысли действительно в одно и то же время и должны претендовать на права безусловной истины и возбуждать сомнение в себе по самой своей непонятности. Оно заставило Шопенгауэра отказать в разумности самой сущности бытия и провести субъективный идеализм до его крайней последовательности, хотя то и другое вносит в его систему безвыходное противоречие. Гербарт отрицает, по-видимому, всякое значение роковых предположений мысли, но он делает это далеко не вполне решительно: он отрицает их первоначальность, но тем не менее признает, что они необходимо развиваются и должны господствовать в духе; он оставляет за мыслию право идти далее этих предположений, открывать в них даже противоречия, признавать их несостоятельность и т. д., но в то же время он сохраняет за ними *непонятное, безусловное и обязательное значение* в области явления. И отрицать предметное значение понятий, которые тем не менее признаются *необходимыми понятиями мысли*, Гербарту можно было, конечно, только под тем условием, что эта необходимость мысли была понятна им как некоторая механическая, а не разумная необходимость.

Отчего могла произойти такая существенная ошибка в критической философии?

Превозносили постановку вопроса в «Критике чистого разума». Но, может быть, в целой «Критике» нет ничего несчастнее этой постановки; по крайней мере, она служит причиною основной ошибки «Критики». В нашем познании существуют суждения всеобщие и необходимые, следовательно, умозрительные, так как опытом нельзя строго доказать суждения всеобщего и необходимого, но эти суждения в то же время синтетичны, т. е. приписывают сказуемому нечто, не заключающееся в подлежащем. Так рассуждает Кант и отсюда выводит свой знаменитый вопрос: как возможны синтетические суждения a priori? Однако такая постановка вопроса вносит в «Критику» ошибку еще до исследования. Признавая известные суждения всеобщими и необходимыми, мы можем иметь для того достаточные основания, можем владеть данными, которые логически оправдывают наше убеждение, но можем и не иметь таких оснований, следовательно, будем не в состоянии логически оправдать свое убеждение. В первом случае наше убеждение совершенно научно: суждения должны быть признаны истинными именно в качестве суждений всеобщих и необходимых. Но тогда для того, чтобы понять, каким образом мы можем вполне правомерно приписывать суждениям всеобщность и необходимость, нужно,

очевидно, обратиться к тем основаниям, которые убеждают нас в их всеобщности и необходимости, которые логически оправдывают наше убеждение. Если эти основания *действительно вполне могут ручаться за всеобщность и необходимость* суждения, то мы на них, конечно, можем тотчас разъяснить себе, как возможны для нас подобные суждения. Если суждение логически оправдано, то, очевидно, не может быть также никакого сомнения и никакого особого вопроса о его предметном значении, так как иметь действительное основание для суждения всеобщего и необходимого, иметь логическое право для убеждения в нем, — это именно значит иметь надежные основания для того, чтобы все предметы, подходящие под понятие подлежащего, признать необходимо соединенными с признаком или принадлежностью, выражаемыми сказуемым. Предположим второй случай, предположим, что наше убеждение в суждении как всеобщем и необходимом не имеет за собою таких оснований, не может быть логически оправдано. Тогда, очевидно, оно не *может быть признано в качестве научной истины*, и до тех пор пока не были бы найдены в пользу его действительные основания, о нем может быть утверждаемо лишь то, что оно *кажется* нам всеобщим и необходимым, а не то, что оно действительно таково. Вопрос о таких суждениях есть существенно вопрос психологический, а не теории знания. В интересах уяснения психического развития может иметь свою долю значения исследование того, почему известные суждения, которые не могут быть логически оправданы в качестве суждений всеобщих и необходимых, тем не менее нам кажутся такими. Но это исследование вовсе не касается *теории знания* по той простой причине, что нельзя признать суждения в качестве всеобщей и необходимой истины, пока не имеется полного логического права на такое признание. Научно-истинными мы должны назвать не те суждения, которые у кого-либо вызывают наклонность признавать их истинными, а те, которые имеют действительные основания в свою пользу. Точно так же всеобщими и необходимыми нужно назвать не те суждения, которым мы оказываемся склонны придавать такое значение, а те, — и только те, — которые могут быть действительно оправданы в качестве всеобщих и необходимых суждений. Останавливаясь на суждениях, которым наше убеждение приписывает характер всеобщности и необходимости, Кант должен был задаться вопросом: может ли быть логически оправдано притязание суждений на всеобщность и необходимость? Если бы Канту удалось уяснить это логическое право, тогда отыскивание некоторых роковых предпо-

ложений о бытии в самой конституции нашей познающей способности было бы излишне. Если же Кант действительного оправдания истинности не нашел бы, то ему предстояло бы или вовсе отрицать законность признания этих суждений истинами всеобщими и необходимыми, или, по крайней мере, подвергнуть сомнению эту законность. Кант поступил иначе: он признал некоторые суждения всеобщими и необходимыми, не только *до* исследования о логическом праве их на такие свойства, но даже прямо предположив, что не может существовать *никакого понятного для мысли оправдания их по самому их содержанию*. Такою постановкою вопроса в самом начале «Критики разума» Кант предположил ни более ни менее как ту мысль, что есть суждения, *которые должны быть признаны достоверными в качестве суждения всеобщих и необходимых, не имея на то логического оправдания*, т. е., что должны считаться логически правомерными суждения, которые не представляют действительных ручательств этой правомерности. Это нельзя не назвать противоречием. Удивительно ли, что постановка вопроса, в которой лежало противоречие, могла вести и к результату не менее противоречивому? Являются непонятными для мысли предположения мысли. Удивительно ли затем, что эти предположения оказались такими, которые в одно и то же время и признавались всеобщими и необходимыми суждениями, и подвергались сомнению со стороны значения их для мира явлений, а тем более для мира вещей самих в себе! В результате вышло, таким образом, что признать суждения всеобщими и необходимыми истинами еще не значит признать все (будет ли оно явление или вещь в себе), подходящее под понятие известного подлежащего, необходимо имеющим известное сказуемое. Принижение мысли заплатило за себя тем, что привело к прямому буквальному противоречию.